

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

О, СПОРТ, ТЫ...

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070002349-0

А.А. Воронин

**Воронин
Андрей
Алексеевич** —
доктор философ-
ских наук, ведущий
научный сотрудник
Института филосо-
фии РАН. Постоян-
ный автор журнала.
Электронная почта:
andvoronin@
rambler.ru

Почему важно отличать спорт высоких достижений (он же — профессиональный спорт) от физической культуры?

Физкультура — институционально неорганизованная, соци- ально диффузная деятельность людей, направленная на улуч- шение здоровья, самочувствия — телесного и душевного. Цели ее — удовольствие, радость, красота, общение, тонус — интро- вертированные, бескорыстные, неагрессивные.

В отличие от нее спорт — институционализированная фор- ма деятельности, направленная на выявление пределов возмож- ностей человеческого организма в каком-либо высокоспециа- лизированном виде движения. Его цели экстравертированные. Они ориентированы на достижение, соперничество, самоут- верждение, победу, небескорыстное превосходство. Спорт как социальный институт — это огромный комплекс, обслуживаю- щий “лабораторию по подготовке, мобилизации и проверке экстремальных ресурсов человеческого организма”. В комплекс входят:

- внешние материальные условия осуществления этой дея- тельности;
- учебно-тренировочный комплекс, включающий науки, особые школы, интернаты, ВУЗы и проч., ориентированный на подготовку спортсменов;
- социальные организации (финансирующие, мотивирую- щие, управляющие, тренирующие и проч.);
- болельщики, небескорыстно создаваемые СМИ;
- резервная армия “подопытных” индивидов, стремящихся в большой спорт.

Пружиной, двигателем этого комплекса служит особый тип сознания, идеологии, автономной по отношению ко многим другим типам и часто беззастенчиво и открыто противополож- ной мифологии духовной жизни. Задача этой идеологии двоя- кая — законспирировать подлинную функцию спорта и навяз- зать фиктивное обоснование этой сфере “экспериментирова-

ния”. Спорт высших достижений предстает в нем как способ “улучшения человека” — по крайней мере его телесных способностей. Но не только.

* * *

Больше полумиллиона лет организм человека работал в режиме предельных физических нагрузок, неспециализированных по видам движений, — это было условием выживания рода. Последние десять тысяч лет человеческий организм испытывает воздействие разделения труда в обществе. “Вторая природа” избавила человека от дискомфортного перенапряжения. Около 100 последних лет человек управляет машинами, которые взяли на себя энергоемкие работы, и всего 20–30 лет назад человек встал (или сел) возле этих машин и не пользуется своими мышцами в хозяйственной деятельности. Если верить специалистам, что антропогенез завершился еще на заре человечества, иными словами, человек принципиально не меняется, то у нас на глазах произошла кардинальная ломка естественно-природной ниши человека, замена ее принципиально иными условиями режима работы организма. Именно дефицит двигательной активности в массовом масштабе привел к развитию специализированной компенсаторной сферы социально организованной деятельности. Наука породила электричество, электричество — индустрию, индустрия — спорт. С возникновением этой сферы начинается ее осмысление, создание ее идеологии. Олимпийские игры, гимнасии, воинские упражнения, древние виды борьбы и обретения физического совершенства на Востоке — все это обрывает своей мифологией. Но до тех пор, пока конкретная природа двигательной активности, связанная с утилитарными общественными функциями (энергоемкие производства, здоровье, война, поддержание порядка в поселениях и т.д.) была полем совершенствования и упражнения, не возникало никакой потребности в абсолютных шкалах измерения. Атлет, силач, красавец, богатырь, в крайнем случае — победитель — вот категории совершенства до спортивной эпохи, которую можно охарактеризовать как эпоху культивирования гармонического развития всей совокупности двигательных функций человеческого организма.

* * *

Спорт — феномен обособления и культивирования абстрактного проявления способностей человеческого организма. На смену героям локальных социумов (этносов, полисов или эпосов — безразлично), не нуждавшихся в секундомерах и весах, пришли чемпионы абстрактных шкал — метров, секунд, килограммов. Очное состязание с соперником уступает место сопоставлению зафиксированных достижений конкурентов

А. Воронин
О, спорт, ты...

в данном виде движения. Изолированный абстрактный вид движения получает такую специализацию, что оставляет далеко позади и все попытки неспециализированной конкуренции, и согласованное развитие двигательных функций одного и того же организма. Вместе с абстрагированием все новых и новых видов движений в спортивные дисциплины возникает институт рекорда, высшего достижения, демонстрирующего пик возможного, предельного усилия. Смена рекордов и их последующее массовое перекрытие — это “прагматический выход” лаборатории по имени спорт, утилизация обществом ее продукции. Спортсмен мотивирован теперь не гармонией тела, а специализацией какого-то определенного вида движения. Идеология спорта — это идеология рекорда, превращение фиктивной цели в мотивацию, абстракции — в жизненный императив, человеческого жертвоприношения — в добродетель. Спорт якобы помогает выплеснуть и на индивидуальном, и на социальном уровнях агрессивные инстинкты, а стадионы — социально приемлемая альтернатива танкам... Абстрагирование двигательных функций, их специализация и культивирование доходят до дезинтеграции функций человеческого организма в целом (бодибилдинг с травмами тканей, женщины — боксерши и тяжелоатлетки, сверхнагрузки детей, летальные исходы не только на соревнованиях, но и на тренировках). Идеология же так упаковывает спорт, что он становится привлекательным, престижным. Риск, связанный с ним, рисуется как желательное испытание, победитель (чемпион, рекордсмен) — как великий человек (а не как великий частичный человек).

* * *

Совершенно иная картина складывается в физической культуре. Мотивация здесь не навязывается, а возникает спонтанно. Ее ценности — это самооценности, и основной пафос физкультуры — разъяснительный. Просто нужно продемонстрировать, довести до сведения и сделать понятным нечто очевидное само собой, но “замутненное” привходящими обстоятельствами. Задача эта, кстати, нетривиальная. Физкультурник в обывательском восприятии — гораздо более чудак, чем спортсмен. Первый бежит в свои 70 лет голышом по снегу, а второй респектабельно и шикарно живет вокруг своего кулака или толчка штанги. В физкультуре принципиально несравнимы достижения человека: они, как и в других областях культуры, могут ближе или дальше отстоять от идеала, от шедевра, но они не расположены в абстрактном, одномерном континууме какого-то одного вида движения. (Кстати, это напряженное противоречие ищет выхода в “синтетических” видах спорта — гимнастике, фигурном катании, десятиборье. О них — особый разговор.) Красота, богатство, универсализм, неотразимость — все определения культурного феномена участвуют в выработке иде-

ологии физкультуры, а отнюдь не только здоровье, сила, выносливость. Мотивационный пафос физкультуры — это идеология конкретной гармонии физического и духовного в данном индивиду. Здесь улыбка важнее секунд или веса, конечной целью выступает радость, а тот, кто рядом — не конкурент, а партнер. По существу своему эта идеология — ренессансная, или просветительская, или романтически социалистическая. Она полемизирует с расколотостью человеческого существа на абстрактно-антагонистические противоположности — какими бы они ни были. Она стремится вернуть человека в Эдем неотчужденного бытия.

* * *

Возможна ли гуманизация спорта? Можно ли сохранить красоту спорта и избавиться от его жестокости? Можно ли руководствоваться более мягкой мотивацией, чем в спорте вышших достижений, для раскрытия предельного потенциала тела человека? Чтобы приземлить эти вопросы, посмотрим, как формируется идеология спорта. Классический тип спортсмена складывается в ситуации, когда “законы товарного производства” распространяются на все его компоненты: для спортсмена товаром является его умение, для тренера — сам спортсмен, для клуба — спортсмен с тренером вместе, для болельщиков — клуб, тренеры и спортсмены, для тузов индустрии спорта — публика. Человек, жертвующий любознательности общества какую-то функцию своих мышечных сил, специализируется на ее совершенствовании непосредственно и полностью. Это его профессия, и он — профессионал. Предметом и результатом его профессиональной деятельности служит та или иная группа мышц, определенный навык движения, специфическая ловкость... — доведенные до совершенства. Отчуждая свою двигательную функцию, превращая ее по сути дела в препарат, он использует в опытах над ним науку, приборы, экспертов, превращает свой досуг в труд, подчиненный досугу других... Везде, где возникает рекорд, возникает и профессионал, любительской может быть только физкультура. Формой организации всей предметной среды вокруг экспериментальной группы мышц (навыка, ловкости) стал клуб — организация, отвечающая за чистоту эксперимента. На фасаде клуба — звезды спорта, им управляют боссы спорта, его финансируют меценаты и акционеры (даже не делая вид, что поступают бескорыстно), клуб порождает публику спорта, замыкая тем самым свою деятельность на зрелищности (и на доходах от нее). Звезда, заключив контракт с клубом, становится его служащим. А значит — по контракту — патриотом клуба. Исчерпав контракт с этим клубом, спортсмен не обязан менять профессию, он не может отказаться от своего основного качества, но просто будет патриотом нового хозяина, по правилам игры. Но основной патриотизм при-

А. Воронин
О, спорт, ты...

надлежит все же его уникальности, и он сильнее национальных и политических привязанностей.

В этой среде “естественно” вызревает идеологема, которая преворачивает значение всех своих основных компонентов: общественная работа руки или ноги вновь превращается в дело индивида, экспериментальный индивид превращается в героя, в супермена, клуб — в символ успешности, в ядро идентификации, в персонифицированное воплощение доблести звезд, публика — в активного участника событий на спортивной арене и т.д. Надо ли говорить, что “естественность” такой идеологии — предмет особых усилий масс-медиа, находящихся в спорте полный набор драматически аранжированных мифов?

Сдавая клубу в аренду свои физические способности, спортсмен отнюдь не обязан делать вид, что он бескорыстен. Он вправе извлечь из нее максимум прибыли, как и любой другой предприниматель из своего дела. И клуб организует сбыт этого уникального товара. Совершенно естественно, что наиболее отчетливые формы клубной организации сложились в тех видах спорта, которые приносят наибольший доход: в игровых и единоборствах, а также “национальных” видах. Причем наиболее зрелищные (футбол, хоккей) организованы как марафоны длинной чуть не в год. Игровые виды имеют по видимости другую природу, чем рекордизм: в них основными кажутся коллективизм и зрелищность. Но и здесь есть глубоко присущая всякому спорту экспликация пороговых возможностей, но уже не организма отдельного человека, а ансамбля людей, их коллективного усилия, навыка, воли и т.д. Зрелищность игровых видов — это новая системообразующая сила спорта, возникающая в недрах массового общества.

* * *

Интеграция публики вокруг спортивного зрелища — это мощный генератор “мы-сознания”, это уплотнение мифа общности — национальной, городской, клубной — неважно какой. В результате возникает ощущение анонимной принадлежности, безусловной и безоглядной идентификации публики с результатом, с рекордом, с героем. “Мы” были вместе не потому, что совместно решали, как нам жить и что делать, а потому что “показали этим чехам (или этим канадцам), как надо играть в хоккей”. Слово “наше” внутренне гомогенно. Внутри него нет особых дифференциаций и напряжений. Производство “мы-сознания” — необходимый компонент индустрии спорта.

* * *

В России в этом плане произошли очень большие изменения.

При социализме спорт финансировался, управлялся и вдохновлялся государством, место клубов занимали спортивные об-

щества. С ними спортсмен не заключал контрактов, он не считался профессионалом. “Клуб”, с которым он себя идентифицировал, — это советский спорт, спортивная честь страны, а спортивные общества — это просто филиалы клуба. Спортсмены, которые реально приближались к рекордным результатам, организационно принадлежали высшему филиалу — сборной команде страны. Они посвящали своему занятию все время и подчиняли ему все ресурсы, получая за это содержание и льготы. Но статус их был двойственным. Будучи профессионалами по существу, они “считались” любителями, что вело к определенным сдвигам, деструкции их внутренней мотивации, с одной стороны, и к мистификации восприятия спорта общественным мнением — с другой. Основная идеология советского спортсмена — не высшее достижение само по себе как раскрытие возможности человека, а высшее достижение как подтверждение высшего достоинства советского спорта. Поэтому наши хоккеисты и не могли поиграть пару сезонов в Канаде — этим они подорвали бы славу Отечества, принизили бы спортивный подвиг, бескорыстно творимый всеми советскими спортсменами под гордыми знаменами своих обществ. Агрессивность “клуба”, представленного Спорткомитетом, ничуть не уступала агрессивности какой-нибудь команды, яростно сражавшейся за первые места, и в ход шли все мыслимые и немыслимые уловки, которые лишь изредка становились поводами для шумных скандалов в прессе. Поскольку “клуб” — один, у него не было другого выхода, как всегда быть первым. Поскольку он — государственный, его естественным конкурентом являлись организации, выступавшие от имени других государств, а сам спорт превращался в политическое дело. Репутация спортсмена — уже не его частное дело, не забота клуба, а забота государства, доказывавшего свое политическое превосходство. Несомненно, что такая мотивация гораздо более энергичная и героическая. Она способна привести к победе и над более сильным, но менее отмобилизованным соперником. Но для воспитания такой мотивации нужен был институт опеки над сознанием спортсмена. За фасадом этой идеологии, точнее говоря, под глянцем ее упаковки был чудовищный и болезненный конфликт базового, живого человеческого сознания и корпоративно-групповых предписаний.

* * *

Идеология спорта была органично вписана в коммунистическую модель устройства всего общества. Тренерский штаб, спорткомитеты, спортивные общества — вся бюрократическая надстройка над спортом — брала на себя ответственность за весь процесс подготовки выступлений спортсменов. Тем самым она снимала эту ответственность со спортсменов, с каждого из них. Великие спортсмены при социализме — футболисты, хок-

кеисты, волейболисты — жили под неусыпным контролем харизматических тренеров. И если все принимали допинг, то отказаться кому-то одному было невозможно — ведь начальство берет на себя и вину, и “отмазку”, и вообще лучше знает, что делать спортсмену. Поэтому “нашим” было поначалу очень тяжело. “У них” — никто не ограничивает, ничто не запрещено, каждый сам отвечает за свою готовность, то есть за свое состояние. И последний допинговый скандал — не в том, что прокрались предатели и все рассказали, то есть выдали государственные секреты врагу. Он в том, что государство “кинуло” спортсменов, вынудив их жульничать, пообещав “крышу”, а потом позорно спряталось в кусты, сваливая свою ответственность на второстепенные обстоятельства.

Стремление искусственно гуманизировать спорт, представить его чем-то другим, не тем, чем он является на самом деле, сталкивалось со спонтанным протестом реальной мотивации против фальши псевдогуманизма. Двойственность, противоречивость сознания облегчала адаптацию к подвижной ценностной среде, но она все же разжижала твердую субстанцию воли, так необходимую в спорте. И когда эта двойственность лопнула, когда институциональные и мотивационные опоры спорта кардинально изменились (или еще меняются, процесс этот не одномоментный), перестало быть таким безусловным и “мы-сознание”. Слова “наше”, “наши” стали настолько расплывчатыми, что скрывают теперь не только государственную и географическую путаницу, но и кое-что пострашнее — грязь, продажность и преступность в “нашей” спортивной среде. По отношению к ней не возникает больше былой безоговорочной идентификации, за пологом мифологемы советского спорта оказалась привычная и до боли знакомая дихотомия “мы и они”.

Институт рекорда в спорте — это просто общезначимый протокол наблюдения за наивысшим достижением. Конечно, это интересно само по себе, но не очень. И далеко не всем. Чтобы получилось поинтереснее, сюда подливается крепкий бульон “спортивной идеологии”. Главное в ней — “мы пахали”, превращение дела индивида в дело нации. Болельщики — не случайно от слова “болезнь” — это хорошо унавоженная почва для класса околоспортивных сорняков, превративших спорт в свой доходный бизнес.

* * *

Олимпиады теперь — соревнования в шовинизме — “мы их сделали”, “мы победили”, “гады судьбы нас прессуют”, “Россия вперед” — и со всех сторон то же самое — “Канада вперед”, “Италия...”, “Франция...” Всенародные гулянья с мордобоем и погромами, банды фанатов с одной извилиной в голове, общенациональный траур тоже с мордобоем и погромами — это

все из-за того, что мячик или шайба закатились не сюда, а вон туда. Вместо торжества олимпизма — торжество шовинизма. Комментарии по ТВ — это уроки национализма. Самих игр, самих спортсменов даже не видно, — слышны лишь истошные вопли “наши им дали!!!” или сокрушенное “сегодня не наш день”. Чей “наш”? Мы что, вложили что-нибудь в спорт, кроме своего будничного равнодушия? Мы что, не видим деградации физической культуры нации? Разве не ясно, что спорт высших достижений — сама по себе вещь сомнительная, поскольку превращает человека в испытуемого кролика — возможен только в условиях повсеместной и подлинной телесной культуры, то есть на базе массового развития физической культуры в стране? И наконец — что идеология спорта — это симулякр, просто кормушка для циничных околоспортивных деятелей? Это она плодит фанклубы, она заставляет наших мочить “ихних”, а “ихних” мочить наших. Она питает ложную идентичность страны с кулаком боксера или с ногой футболиста. Не случайно уже слышны голоса, что на Олимпийских играх спортсмены должны выступать не от стран. Не должно быть на олимпиадах национальных флагов. Так олимпиады смогут вернуть себе свое изначальное предназначение — объединять людей, а не ссорить и сталкивать. И гордиться мы будем не тем, что “мы им сделали козью морду”, а тем, что есть прекрасные спортсмены, которыми нельзя не любоваться, не восхищаться — и так хочется на них равняться.

Олимпиада высветила один очень глубокий ценностный конфликт. Если очень огрублять и упрощать, то между Западом и Россией. Почему так накалена обстановка на самих играх, почему градус допингового скандала стал столь высок? Потому что затронуты самые важные представления о достоинстве и порядочности человека, и эти представления, оказывается, коренным образом расходятся “у нас” и “у них”. Западная цивилизация основана на представлении о достоинстве, порядочности каждого конкретного человека, о его репутации. Репутация — это безукоризненная биография, открытая ближним, прозрачная для оценок ближними, но замкнутая на свое собственное достоинство, свободу и ответственность. Больше того, репутация далеко не только личное дело: это одна из самых важных экономических категорий. Это качество может принадлежать семейному роду, поселению, корпорации, — да любому сообществу, в принципе. Например, спортсмену, олимпийцу. Возможно, это атавизм рыцарского кодекса чести, возможно — наивно воспринятые религиозные максимы. Но предел положен твердо — вот это можно, а вот это я делать не буду ни при каких обстоятельствах. Конечно, это идеал, не всегда совпадающий с жизнью.

Запад долго и бесполезно предлагал “нам” свое понимание порядочности. Не вышло: и в царской России, когда формировался свод российского имперского мышления, и после — в мо-

лодой Советской республике, достоинство определялось скорее подчинением начальству, лояльностью власти. Ценности независимости, свободы, ответственности не излучаются человеком изнутри вовне, а скорее так: их угодливая интерпретация навязывается человеку извне. Основная работа “невидимой руки” власти как раз в этом. Вот механизм и сработал. Совершенно искренне, с чувством исполненного долга, принося в жертву ради победы любой ценой, раз приказано, все, что только можно и чего нельзя — люди идут на обман, на жульничество, на организованную в гигантских масштабах ложь. И не испытывают никакого дискомфорта, пока не зажегся свет, пока все не стало очень видно, и пока людям прямо в лицо не сказали — вы недостойные люди, ваша репутация уничтожена, вам не место среди порядочных людей. Как? За что? Флаги, знамена, гимны, гербы? Родина? Отечество? Нас обидели! Да мы же ничего плохого! — кроме хорошего, не думали, не делали, у нас все так!

Конечно, ценностный конфликт никогда не вписан в национальные, профессиональные, корпоративные и прочие рамки. В абстракции — да, в жизни — нет. Но в жизни столкновение ценностей очень болезненно, а в абстракции — совсем нет. Абстракции проживают в мышлении, а жизнь полна эмоций. Как жаль, что наша жизнь в плену эмоций, очень далеких от мышления, от абстракций, от адекватного представления о порядочности, достоинстве и репутации.

* * *

Что же касается физической культуры, то она рождается из целостного рекреативного отношения к своему организму. Это воспроизводство телесной гармонии, утраченной спортом и не обретенной обычной двигательной пассивностью. Такая задача в принципе не может быть поставлена перед профессионалом, ведь профессия — это аналитическая категория человеческой деятельности. Подлинно гуманистический пафос физической культуры связан с ее любительством. И в этом ее демократизм и полнота. Правда, мы видим сегодня, что фитнес-центры, спортивные курорты, экстремальные виды спорта и т.д. заполняют разрыв между спортом и физкультурой, предлагая своего рода компромисс между рекордоманией и хобби. Однако вряд ли можно представить себе ситуацию отмирания большого спорта, профессионального по своему существу, поскольку риск человеческого любопытства всегда оказывался привлекательнее сдержанности человеческой гармонии.